

ФОЛЬКЛОР КАК ОРУЖИЕ НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пинчук Д. Н.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин

Неудачи Германии на поле боя в 1944–1945 гг., в период Второй мировой войны, неизбежно провоцировали ряд сложных процессов внутри немецкого социума. Общество на фоне надвигающегося поражения и постоянных бомбардировок со стороны союзных войск становилось разбитым и дезориентированным. Люди проходили глубокую психологическую трансформацию. Немецкая пропагандистская машина интенсифицировала процесс, распространяя страх, ненависть и недоверие к наступающей антигитлеровской коалиции [1, с. 538].

При посредничестве немецких властей распространялись «факты», не отражающие реальность, но формирующие общественное мнение в угоду политических интересов правящей партии. Такие тезисы якобы легитимизировали преступления нацистов, в частности геноцид во всех ужасных проявлениях. Согласно ложному пропагандистскому нарративу, именно Германия – главная жертва войны, которая вынуждена обороняться и действовать жесткими методами, дабы сохранить национальную идентичность. Демонизированный образ славян, созданный немецкой пропагандой, усиливался по мере приближения к границам Красной армии [2, с. 7].

Альфред Карасек, немецкий национал-социалист и фольклорист, придавал большое политическое значение идеологической обработке фольклора, являясь сотрудником Службы безопасности рейхсфюрера [3, с. 81]. В завершении Второй мировой войны он активно собирал свидетельства о якобы славянах-вампирах, нападающих на банатских швабов [1, с. 539]. Публикация такого рода статей в гитлеровской Германии подогревала ненависть к этническим славянам, которые систематически уничтожали гитлеровскую политическую конструкцию и пособников таковой. Банатские швабы – это немецкое этническое меньшинство, веками компактно проживавшее в регионе Банат на стыке современных Сербии, Румынии и Венгрии. Их самоназвание «швабы» восходит к исторической области Швабия на Юго-Западе современной Германии.

Согласно сведениям фольклориста так называемые славянские «партизаны-вампиры» при нападении на этнических немцев впадали в состояние, близкое по характеристикам к эпилептическому припадку, сопровождаемое падением, звероподобными звуками и обильным излиянием пены изо рта. Дальнейшее поведение характеризуется

крайней жестокостью: жертве, попавшей в поле зрения охваченного припадком, отрезают уши, выкалывают глаза и обезображивают тело. Приводятся примеры, согласно которым славянская женщина, впадая в подобное состояние, якобы убила около 70 этнических немцев [1, с. 539].

Катализатором метаморфозы являлась встреча этнических славян и немцев. К примеру, у одного славянского партизанского командира, согласно сочинениям Карасека, припадок начался прямо во время приема пищи в немецком ресторане [1, с. 540].

Тем самым нарочито подчеркивался расовый характер трансцендентного явления. При этом свидетельства охватывали выборочно славян, проживающих преимущественно на Балканском полуострове. Неудивительно, учитывая, что Сербия в рамках немецкого фольклора была в центре легенд о вампирах [3, с. 93].

«Болезнь» распространялась «когнитивным способом», не охватывая немцев. Славянин, услышавший или увидевший охваченного припадком, рисковал «заразиться» и впасть в похожее состояние [1, с. 540]. Единственным противоядием, способным остановить припадок, была кровь этнических немцев. Исследователь Моника Блэк считала, что данный фактор обусловлен близким для швабов-христиан жертвенным характером крови [3, с. 95].

Демонизации сконструированному образу «партизана-вампира» способствовало подавляющее количество свидетельств о появлении таковых из леса как символа всевозможной опасности, подвластного «духам и демонам» [1, с. 542].

Интересно, что «партизанская болезнь» действительно была признана медицинским состоянием в послевоенной Югославии. Поль Парин, словенский психоаналитик, служил врачом у сербских партизан в годы Второй мировой войны. Он описал военный невроз, свидетелем которого стал на пароме, который курсировал между Белградом и Панчево. В августе 1945 года Поль Парин писал о ничем не примечательном молодом человеке около двадцати двух лет, крепком, здоровом, в форме сержанта, который внезапно упал на палубу. Его дыхание стало прерывистым, лицо побагровело, а зрачки расширились. Он с такой силой вонзил кулаки в карманы пальто, что один из них был разорван. Через мгновение молодой человек перевернулся и начал стрелять из воображаемого автомата в воздух [3, с. 82]. Приступ был, видимо, следствием посттравматического стрессового расстройства, что неудивительно, учитывая, что пережили люди в годы Второй мировой войны. Конечно, не более того. Легенды банатских швабов о женщине, разорвавшей в припадке семьдесят этнических немцев все же из области иррационального.

Таким образом, в рамках Второй мировой войны нацистское руководство взяло курс на дегуманизацию врага, дабы оправдать многочисленные преступления против человечества. Доктрина,

построенная на идеях о расовом превосходстве, исказила культурный код и истинное предназначение мифов, трансформируя фольклор, традиции и символы Германской нации в орудие пропаганды.

Нюрнбергский процесс осудил военные преступления гитлеровцев. Пресса оперативно распространила ужасающие преступления нацистов. Фотографии концлагерей, свидетельства выживших, документы о Холокосте – все это заставило задуматься думающих немцев о реальной оценке произошедшего в гитлеровской Германии. Нюрнбергский процесс стал своеобразным зеркалом, в котором нация увидела свое отражение, искаженное пропагандой, страхом и молчанием [4, с. 6].

Этнические немцы, которые являлись национальным меньшинством в долине Дуная, оказались подвержены иррациональному восприятию действительности. Банатские швабы, отождествляемые с нацистской идеологией по этнической принадлежности, в послевоенное время предсказуемо столкнулись с санкционными мерами со стороны коммунистической партии Югославии. Им не простили участие в дивизии СС «Принц Ойген», роль в печально известных контрповстанческих операциях 342-й пехотной дивизии вермахта на северо-западе Сербии в 1941 году, работу в «реквизиционных отрядах» [5, с. 125].

Еще в 1897 году немецкий фольклорист Утц Джеггл описал рассказы о партизанах, пьющих кровь, квалифицировав это как психологический ответ на катаклизм этнической войны и поражения [3, с. 79]. В таких условиях обращение к мифическим конструктам, живущим в сверхъестественном воображаемом немцев, помогли упростить сложную реальность, разъяснив природу жестокости победителей. Мифы о врагах трансформировали запутанный конфликт в простую историю борьбы света с тьмой, погрузили в обманчивое ощущение, что жертва в данной истории швабы [3, с. 78]. Оказавшись в плену иллюзий, они даже в первые послевоенные годы не осознали тех ужасов, которые пережили люди Восточной Европы на оккупированной территории, и продолжили свято верить в особую роль немецкой нации.

Таким образом, рассмотренный миф о «партизанах-вампирах» является не просто примером военной пропаганды, а наглядной иллюстрацией фундаментального механизма идеологии нацизма. В условиях военного краха пропагандистская машина, используя аппарат фольклористики, целенаправленно конструировала архаичный, дорациональный образ врага. Этот образ выполнял ключевую функцию: он позволял тоталитарному режиму не только оправдывать собственную жестокость, но и предлагал своим сторонникам, таким как банатские швабы, удобную для психики «сказку» – простое объяснение катастрофы. В этой «сказке» сложная реальность войны, оккупации и возмездия сводилась к извечной борьбе «цивилизации» с «демоническим» злом, где вина жертвы всегда абсолютна, а вина палача – лишь вынужденная мера. Именно эта подмена и стала одним из самых мрачных наследий нацизма, последствия которого ощущались долгие годы после окончания войны.

Список цитированных источников

1. Курландер, Э. Монстры Гитлера: сверхъестественная история Третьего рейха / Э. Курландер. – СПб. : Владимир Даль, 2021. – С. 642.
2. Biddiscombe, P. Werwolf : The History of the National Socialist Guerrilla Movement, 1944–1946 / P. Biddiscombe. – Toronto : University of Toronto Press, 1998. – С. 464.
3. Black, M. Expellees Tell Tales / M. Black // History and Memory : Indiana University Press. – 2013. – Vol. 25, No. 1. – P. 77–110.
4. Звягинцев, А. Г. Нюрнбергский процесс / А. Г. Звягинцев. – М. : РИПОЛ Классик, 2022. – С. 160.
5. Shepherd, B. H. Terror in the Balkans: German Armies and Partisan Warfare / B. H. Shepherd. – Cambridge : Harvard University Press, 2012. – P. 384.